

А. БЕЛЫШЕВ,
комиссар крейсера „Аврора“

ВЫСТРЕЛ „АВРОРЫ“

Я плавал машинистом на «Авроре». Два года она несла боевой дозор на Балтике, а в ноябре 1916 года ошвартовалась для ремонта у стенки Франко-Русского завода.

В стране шло глухое брожение. В феврале заводы Петрограда забастовали, в том числе и Франко-Русский. Территорию этого завода занял сводный батальон, подчиненный командиру «Авроры».

26 февраля конвой доставил на борт крейсера трех арестованных в солдатских шинелях. Слух об этих трех обошел весь корабль, вызывая всеобщее возбуждение. В низком туннеле гребного вала, освещенном тусклой свечой, собрались машинисты: нужно спасти арестованных. Возник следующий план.

В девять ноль-ноль, как всегда, состоится вечерняя молитва. На церковной палубе соберется вся команда во главе с офицерами. Как только послышатся слова корабельного священника: «И благослови достояние твое», — электрик выключит свет, а мы под покровом темноты бросимся на выручку арестованным.

На том и порешили. Но за полчаса до молитвы вооруженные офицеры обошли все жилые помещения, стали кучкой на юте, а трех арестованных в солдатских шинелях конвой повел к трапу, переброшенному на берег. Мы лихорадочно переглянулись — нужно что-то предпринять, вот сейчас, мгновенно, не теряя времени.

— Ну, ребята, вызволяй!

И с криком горстка кочегаров, комендоров, машинистов бросилась к трапу. Офицеры, окружавшие командира крейсера, вытащили револьверы из кобур. Захлопали выстрелы. Я укрылся за орудие, Осипенко упал за смертью, Фокин выбросился с пятисаженной высоты на лед, Власенко был ранен в ногу.

Зазвучал на крейсере горн парадного сбора. Команда выстроилась на палубе по ротам; у пулеметов, наведенных на моряков, стояли кондукторы, готовые открыть огонь. В кубриках в то время шел обыск. Темнело. На крейсере царила тревожная тишина.

— Шурка, — зашептал Власенко, — у меня кровь хлещет из ноги, не могу стоять.

— Стой, держись, — тихо отвечаю ему.

Так в молчании стояли мы, подпирая плечом Власенко, изнемогающего от боли. А в кубриках продолжался обыск. Потом на палубу поднялся командир крейсера, сопровождаемый старшим офицером, прошел вдоль нашего строя, осветил карманным электрическим фонариком бледные лица машинистов.

— Разойдись!..

И вот прошла тревожная ночь, отзвучал в утреннем сумраке сигнал побудки. Что-то задумал командир крейсера? Пока он только отдал приказ: всей команде мыть судно. Но события повернулись совсем по-иному. В заводские ворота ворвалась толпа рабочих и солдат с красным знаменем. Матросы бросились к пулеметам, стоявшим на мостиках, овладели ими, стали хозяевами крейсера.

В годы флотской службы я водил знакомство с рабочими Обуховского завода, получал от них нелегальную литературу, прятал ее между паропроводами. В первые же дни февральской революции примкнул к партии большевиков, в марте был принят в ряды партии, а после июльских дней избран председателем судового комитета «Авроры».

Команда крейсера безоговорочно шла за большевиками. К Временному правительству моряки относились со злой издевкой. «Распоряжений Временного правительства не исполняем и власть его не признаем». Эти слова Центробалта полностью выражали наши мысли и чувства. А Временное правительство искало повода, чтобы

избавиться от непокорной «Авроры». Такой повод представился. Ремонт крейсера закончился, и правительство отдало распоряжение опробовать машины в открытом море, а затем следовать в Або. Но Центробалт, руководимый большевиками, был иного мнения: «Пробу машин произвести 25 октября».

Петроград в эти дни бурлил. Дело шло к развязке. Всюду велась энергичная подготовка к вооруженному восстанию. 23 октября Военно-революционный комитет Петроградского Совета вызвал в Смольный представителей «Авроры».

Отправились туда Лукичев и я.

Мы поднялись на третий этаж, повернули в левое крыло, вошли в одну из комнат и поставили в угол свои винтовки. За столом, на котором лежала большая карта Петрограда, сидел человек, которого мы еще не знали: в пенсне, с черной курчавой бородкой.

— Явились по вызову Военно-революционного комитета к товарищу Свердлову.

— Я — Свердлов. Присаживайтесь, товарищи!

Он расспросил нас о положении на крейсере, о настроении команды, о том, кто на «Авроре» пользуется серьезным авторитетом.

— Да вот Бельшев, — ответил Лукичев. — Он у нас председателем судового комитета.

— Товарищи моряки, — сказал Свердлов. — Военно-революционный комитет уполномочил меня назначить комиссара «Авроры». Я думаю, что кандидатура товарища Бельшева будет подходящей.

Я коротко ответил:

— Решение партии — для меня приказ.

Свердлов вынул бланк для мандата, заполнил его, вручил мне.

А в полдень следующего дня на одной из палуб крейсера собралась вся команда. По рукам переходили газеты с волнующими сообщениями. Штаб округа пытается стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Газеты «Рабочий Путь» и «Солдат» закрыты. Авроровцы рвались в город. Я сдерживал их, призывал к революционной дисциплине.

Экстренное заседание судового комитета открылось в присутствии всей команды. Я сообщил о приказе Воен-

но-революционного комитета привести корабль в боевую готовность.

— Имею совсем иное распоряжение, — раздался голос командира крейсера. — Главный начальник округа предписал всем частям и командам оставаться в казармах. Всякие самостоятельные выступления запрещены. Исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих от различных организаций, категорически воспрещается. Моряки зашумели.

— Товарищи! — перекрывая шум, закричал я. — Только что мною получено предписание Центробалта: всецело подчиняться распоряжениям Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

— Покажите мне это предписание, — потребовал командир. Я передал ему предписание. Увидев, что оно обращено к комиссару «Авроры», командир крикнул:

— Что за комиссар? На борту военного корабля посторонним быть не положено!

— Я комиссар. Вот мой мандат. Предупреждаю вас, гражданин командир, — заявил я, — что всякий приказ, отданный вами без моего согласия, недействителен. Корабль привести в боевую готовность!

Букирные катера доставили из Кронштадта баржу со снарядами. Они были быстро перегружены в корабельные погреба. К полуночи «Аврора» находилась в состоянии боевой готовности. Караулы на борту были удвоены. Возле причала, у главных заводских ворот, у Калинкина моста расхаживали патрули. Из Смольного пришло предписание: восстановить движение по Николаевскому мосту, разведенному юнкерами. Я показал предписание членам судового комитета. Сказано ясно: «Восстановить всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами».

Решили подвести крейсер к мосту. Я дал указание поднять пары, прогреть машины, а сам вошел в каюту командира крейсера, заявив, что «Аврора» должна подойти к Николаевскому мосту. Он угрюмо ответил, что расчистка Невы в пределах города не производилась с самого начала войны и «Аврора» может сесть на мель.

Тогда я отправился в кают-компанию и объявил офицерам, что крейсер надо вывести в Неву.

Никто из офицеров не пожелал, однако, вывести «Аврору».

Я пошел к выходу, повернулся к офицерам, резко сказал им:

— Предлагаю не выходить на палубу.

Вызвал надежных часовых, поставил их у дверей кают-компания, приказал задрать броневыми крышками иллюминаторы.

Как, однако, выполнить решение Военно-революционного комитета?

Старшина рулевых Сергей Захаров вызвался проверить фарватер ручным лотом. Он затянул на бушлате пояс с кобурой, повесил на грудь аккумуляторный фонарик, заклеенный черной бумагой с крошечным отверстием, спустился в шлюпку, отплыл с гребцами в ночную темь. Через полтора часа Захаров вернулся, поднялся на борт и вручил мне, очень довольный, лист бумаги, на котором был нанесен фарватер.

— Пройдет крейсер.

Со схемой глубин невского фарватера я опять зашел к командиру корабля. Он и на этот раз отказался вести «Аврору».

Тогда я отдал распоряжение арестовать всех офицеров, а сам с Липатовым и Захаровым поднялся на командный мостик.

Зазвенел машинный телеграф: «Малый вперед!». Буксиры начали отводить «Аврору» от заводской стенки. В непроглядной тьме крейсер выходил в Неву. Меня окликнул часовой:

— Командир желает видеть комиссара.

— Веди его сюда.

На мостик поднялся командир, подавленный и сумрачный.

— Я не могу допустить, — сказал он, не глядя на меня, — чтобы «Аврора» села на мель. Я согласен довести корабль до моста.

— Ладно... Ведите...

Усиливался дождь, налетали порывы ветра, беззвучно шарили впереди прожекторы. Крейсер медленно двигался вперед. В три часа тридцать минут он подошел к Николаевскому мосту, спустил якорь, осветил прожектором мост. Да, один пролет его разведен. Юнкера, охранявшие мост, скрылись. Судовые электрики в шлюпке добрались к берегу и привели в действие механизмы разводной части моста. Пролеты сомкнулись, на мост хлы-

нули с Васильевского острова красногвардейские и солдатские отряды.

Наступило осеннее утро. В Неву вошли боевые корабли Кронштадта, пришвартовались к Английской набережной, высадили вооруженных моряков. Через несколько часов радиостанция «Авроры» приняла историческое воззвание к гражданам России: «Временное правительство низложено...»

А со стороны Зимнего дворца, осажденного отрядами вооруженного народа, доносилась пулеметная и ружейная стрельба. К «Авроре» подошла шлюпка. Связной Военно-революционного комитета передал распоряжение. В девять часов Временное правительство должно сдать. В случае его отказа, над Петропавловской крепостью появится красный огонь. Это будет сигнал «Авроре» дать холостой выстрел, возвещающий начало штурма Зимнего дворца.

Я отправился на бак, там у шестидюймового орудия стояли вахтенные комендоры. Напряжение всё усиливалось. С берега доносилась стрельба. А Петропавловская крепость не давала о себе знать. Уже тридцать пять минут десятого, а красного огня всё нет.

— Огонь, огонь! — раздались голоса.

Во мгле за мостом показался багровый огонь. Было девять часов сорок минут. Я отдал команду:

— Носовое, огонь! Пли!

Мелькнула вспышка выстрела, прокатился грохот над Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца. Мы прислушивались. В ответ на выстрел сквозь перестук пулеметов послышалось громовое «ура». Это наши пошли на штурм. Я отдал приказ зарядить орудие боевым снарядом: мало ли что...

И вот стало тихо.

— Прожекторы, живо!

К мосту бежал связной, махавший бескозыркой:

— На «Авроре»! Больше не стрелять. Наши в Зимнем.

— Ура, товарищи! Да здравствует Советская власть!

